

Илона Махотина (*Тверь, Россия*)

УСТНЫЙ РЕПЕРТУАР РУССКИХ ЦЫГАН ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА СЕМЬИ ПАНКОВЫХ

Долгое время этнография и фольклор русских цыган оставались без должного внимания специалистов. Это привело к тому, что сегодня мы констатируем отсутствие как такового фундаментального исследования по устному народному творчеству русских цыган. “Равнодушие” филологов и фольклористов к устному народному творчеству русских цыган вполне понятно, и объясняется, прежде всего, элементарным незнанием среды и языка. Этнографы же, ограничиваясь собиранием устного материала, при работе с ним, как правило, не ставили перед собой элементарной фольклористической задачи. В нее входит:

1) описание жанрового состава устного репертуара в целом (без игнорирования произведений на русском языке, которые всегда составляли значительную часть фольклора русских цыган); например, в устный репертуар русских цыган еще в последние десятилетия XX-го века входило значительное число произведений русской народной обрядовой поэзии, в частности свадебных песен, указывавших на обрядовость, некогда перенятую цыганами у окружающего населения;

2) сравнение вариантов (зафиксированных данным собирателем и опубликованных ранее) помогает определить период пребывания данного образца в среде, и проследить его эволюцию; нередкое сравнение вариантов приводит к обнаружению его нецыганского первоисточника;

3) сопоставление произведений, явно заимствованных из фольклора окружающего населения, с предположительными первоисточниками, в данном случае поможет выявить специфику и закономерности цыганской интерпретации.

Некоторая компилятивность, отличающая большинство известных мне исследований по цыгановедению, как ни странно, отнюдь не означает, что авторы в полной мере оценили и использовали опыт предшественников

Попробую охарактеризовать наиболее знаковые работы из материала, которым располагает современная наука, и которые сегодня не так общедоступны, как хотелось бы.

Начну с того, что в разной степени значительные и достоверные упоминания о цыганах можно найти в совершенно разных источниках XVIII – XIX веков, в частности, в периодике, художественной литературе, мемуарах и т.д. Причиной тому, прежде всего, колоссальная популярность цыганского исполнительства, а именно цыганских хоров, которые с последних десятилетий XVIII века стали неотъемлемой частью русской культуры. Образцы репертуара цыганских хоров, состоявшего изначально из русских и украинских народных песен, а в первое десятилетие XIX века пополнившегося авторскими романсами, вошли во множество дореволюционных песенных сборников, начиная с хрестоматийного собрания Львова и Прача [14], впервые изданного в 1790-ом году. Известные по цыганскому исполнению песни, не взирая на их содержание и текст, соответственно именовались “цыганскими”. Вклад, который цыгане внесли в развитие и сохранение русской песни, одним из первых оценил поэт Аполлон Григорьев в статье “Русские народные песни с их музыкальной и поэтической стороны” [6] (первое изд. – 1860 г.). Автор не премудро отметил некоторые особенности цыганской интерпретации русских песен и привел в пример три любопытных песенных текста на цыганском языке (которые, правда, при ближайшем рассмотрении обнаруживают свое нецыганское происхождение) и цыганский куплет русской песни “Ты, Настасья”, также известной по хоровому исполнению. О цыганском исполнении русских народных песен “Не вечерняя заря” и “Размолодчики” упоминается в сборнике Н. В. Лопатина и В. П. Прокунина [9, С. 133, 200] (первое изд. – 1889 г.). Обработки такого рода “цыганских” песен делали многие композиторы, например, Д. Кашин, А. Дюбюк и др.

Однако сегодня весь этот материал, вероятно, как бесспорно нецыганский, не вызывает у цыгановедов особого интереса. Тем не менее, детальное изучение особенностей дореволюционного репертуара цыганской эстрады могло бы дать ответ, в том числе, на вопрос о происхождении части песенного материала, зафиксированного исследователями в XX веке. Дело в том, что значительное число песен и романсов, исполнявшихся некогда в хорах, и претерпевших со временем своеобразную обработку, стали основой для образцов, которые ныне воспринимаются как аутентичные национальные произведения...

Долгое время не учитывался цыгановедами уникальный этнографический очерк быта цыган Тобольской губернии “Проклятое племя”

К. Голодникова [5], увидевший свет в 1879 году. Необходимо отметить ярко выраженное антицыганское настроение этого очерка, которое, однако, не умаляет его достоинств. Автор подробно описал внешний облик и “нравы” цыган, оценил нехитрые цыганские ремесла, а также привел в пример несколько песен из таборного репертуара, записанных на слух, и небольшой грамматически неточный словарь цыганского языка. Важно, что К. Голодников отмечает проникновение в репертуар табора произведений, исполнявшихся на цыганской эстраде.

Наряду с очерком К. Голодникова значительным исследованием конца XIX – начала XX века является фольклорно-этнографический сборник В. Н. Добровольского “Киселевские цыгане” [7; 8], издававшийся дважды, в 1897 и 1908 гг., кроме того, об обстоятельствах написания этой работы автор рассказывает в предисловии к четвертой части “Смоленского этнографического сборника” [13]. В отличие от К. Голодникова В. Н. Добровольский владел цыганским языком, был более благосклонно настроен к цыганам, и наивно находил, что они “народ не лишенный некоторых симпатичных черт” [13, Ч. IV. с. XV.]. Сборник “Киселевские цыгане” содержит описание быта и некоторых обычаев оседлых цыган Смоленского, Рославльского, Краснинского, Ельнинского и Дорогобужского уездов Смоленской губернии и основательную подборку цыганского фольклора: 15 сказок и 75 песен. Однако при безусловной уникальности сборник “Киселевские цыгане” имеет существенный недостаток – выводы и обобщения не были для автора самоцелью.

В 1934-ом году музыкальный критик Б. Штейнпресс, опираясь на солидную источниковую базу, работой “К истории “цыганского пения” в России” открыл полемику о генезисе музыкального фольклора русских цыган, и, в частности, прокомментировал несколько песен из “Киселевских цыган” В. Н. Добровольского

В 1931–1932 гг. собирался поныне нерасшифрованный и неопубликованный “цыганский” архив профессора Е. В. Гиппиуса, хранящийся в Пушкинском Доме (Институте русского языка РАН) в Санкт-Петербурге¹.

¹ На этот архив ссылаются несколько изданий, в частности, “Язык цыганский весь в загадках” – С. 10.; *Мурьянов М.Ф.* Пушкини Германия М., 1999. – С. 400; *Листова Н. Александр Варламов (его жизнь и песенное творчество)*. М.: Музыка. – С. 179; нигде архивного номера нет, знаю только, что речь идет о 60-ти восковых валиках, и то, что записи делались в начале 1930-х. Мало того, я списалась с работниками Пушкинского Дома, и мне сказали, что фонограммархив закрывается на ремонт на три года, и доступа к материалам не будет. Копии архива Гиппиуса сделали для Баурова, но он на мое письмо не ответил. Думаю, что эти записи имеют какое-то отношение к деятельности Бугачевского т. к. на форзаце сборника помещен текст авторской благодарности Гиппиусу.

Интересны, но чрезвычайно малы по объему составленные Н. Н. Кручининым (Хлебниковым) [15; 12; 11] сборники песен из репертуара московских цыганских хоров, вышедшие в 1929-ом и переизданные в 1961-ом году. В общей сложности в них входит лишь 26 песен. Более объемный сборник С. М. Бугачевского [4], несовершенство которого объясняется тем, что издан он был уже после смерти собирателя.

Книга Т. А. Щербаковой “Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России” [18], изданная в 1984-ом году интересна, прежде всего, тем, что в ней автор обращается к внушительному числу источников, среди которых имелись на тот момент исследования о цыганах, мемуарная и художественная литература, рецензии, песенные сборники. Недостатком работы являются некоторые исторические и этнографические неточности. Так, например, говоря о фольклоре табора, Т. А. Щербакова небрежно написала “былины” *кэлдэраров* русским цыганам.

Осторожная попытка объективного музыкально-этнографического анализа некоторых образцов русско-цыганского песенного репертуара была предпринята редактором одного из песенных сборников Е. А. Друца и А. Н. Гесслера – В. М. Щуровым [10]. В. М. Щуров выявляет следы русского влияния на приемы этнического вокала русских цыган, и устанавливает нецыганское (притом довольно позднее) происхождение многих образцов, например, песен: “*Тэ с домурадость улетела*”, “*Нанэ мандэ родо*”, “*Лохмотья*”. Однако прочие многочисленные сборники Е. А. Друца и А. Н. Гесслера, переведенные на русский язык, вызывают интерес, скорее, читательский, нежели исследовательский, поэтому очень обнадеживает инициатива публикации части зафиксированного Е. А. Друцем и А. Н. Гесслером материала Российским НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва.

Замечательно иллюстрирует устный репертуар русских цыган 30-х – 40-х годов XX века подготовленная Е. А. Друцем и А. Н. Гесслером публикация архива собирательницы Е. А. Муравьевой [16]. Важно отметить, что собирался он не для научных целей, а из преданной любви собирательницы к цыганскому искусству. Отсюда отсутствие каких бы то ни было выводов. Издание содержит 194 (119 без учета вариантов) песенных образцов, которые были зафиксированы преимущественно в годы Великой Отечественной Войны в Ташкенте. Образцы дополнены сведениями о месте, времени записи и личными данными исполнителей. Информантами Е. А. Муравьевой были цыганские артисты из Ленинграда, актеры театра “Ромэн” и рядовые таборные цыгане. Однако издание имеет недостатки, в частности, в нем отсутствует содержание и алфавитный указатель, а редакторский коммен-

тарий к образцам выполнен недостаточно подробно. Так, источник не объясняет происхождения образца “Сережа-пастушок” [16, с. 23, № 60], хотя в ее основу легла хорошо известная фольклористам русская народная песня “В последний час разлуки”, восходящая к пасторали XVIII века “Молчите, струйки чисты”, традиционно приписываемая М. В. Ломоносову. Без пояснения остается романс “Возьму я карты” [16, с. 13-14, № 34, 35], мелодия которого написана Н. Н. Кручининым.

Важнейшим научным событием последних лет стала недавняя публикация материалов из семейного архива исследовательницы И. М. Андрониковой [19], автора статьи, “Эволюция жилища русских цыган” [1], вышедшей в “Советской этнографии” в 1970 году, и посвященной материальной культуре русских цыган. В книге “Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой” собраны 13 140 образцов малых форм цыганского фольклора – пословицы, поговорки, приметы, толкования снов, анекдоты, заговоры, проклятия, пожелания – предположительно зафиксированные в 20-е – 60-е годы XX века. Составитель сборника С. В. Кучепатова отмечает “фольклористическую неграмотность” собирателей (по ее предположению их было несколько). Действительно, в сборнике нет прямых указаний о “происхождении” каждого образца в отдельности. Место и время записи не уточнено, сведения об информантах также отрывочны. Можно смело сказать, что данная публикация не исследование, а профессионально подготовленный материал для исследования.

Сегодня проведение “полевых” исследований в цыганской, особенно, городской среде приводит к неутешительным выводам – устный репертуар как города, так и села деградировал и сильно осовременился. Это, собственно, касается как русского населения, так и цыган разных этногрупп. На поэтическом фольклоре сказывается влияние СМИ.

К утрате собственного репертуара приводит более тесное взаимодействие этногрупп. Так, у *кэлдэраров* рода “*сапоррони*”, проживающих под Тверью, мной были зафиксированы образцы, прежде характерные для русско-цыганского репертуара “Польнь-трава”, “Ой, да не будите” и ряд других, в том числе, уже адаптированных под *кэлдэрарский* диалект. В обиходе русских цыган сегодня укореняются современные “тюремные” песни и произведения “псевдонародного” стиля, например, из репертуара Н. Кадышевой и Н. Бабкиной. В такой ситуации своеобразным “взрывом из прошлого” может стать публикация архива семьи Панковых.

Готовящиеся публикации рукописи были переданы Н. В. Бессонову и автору этой статьи наследницей архива Любовью Николаевной Панковой.

Небольшая часть записей предоставлена Е. А. Друцем. В архив входят рукописи трёх авторов: 1) А. А. Панкова (песни из цыганского репертуара, исторические заметки, авторские стихи на цыганском и русском языках); 2) Н. А. Панкова (исторические заметки, цыганские сказки, пословицы, былички, авторские стихи и переводы); 3) Л. Н. Панковой (воспоминания, исторические заметки, авторские стихи). Кроме того, архив содержит большое количество редких фотографий цыган (в том числе, артистов) и вырезки из дореволюционной прессы.

Авторы готовящейся публикации распределили между собой сферы ответственности. Н. В. Бессонов работает над воспоминаниями и биографиями Панковых, анализирует материалы исторического характера, а мною ведётся работа по систематизации и подготовке комментариев к образцам устного репертуара: песням, сказкам и пословицам. Именно об этой части работы пойдёт речь в настоящем докладе.

Итак, выходец из семьи петербургских хоровых цыган – Александр Александрович Панков (1892/9 – 1988) почти всю сознательную жизнь отдал работе на цыганской эстраде. Мальчишкой обучался в цыганском хоре и игре на гитаре, в 1911 стал дирижером, и еще до октябрьской революции организовал собственный хор. С 1919 по 1922 год служил в Красной армии, и после демобилизации продолжил артистическую карьеру в Москве, сменив много коллективов. В конце 30-х годов А. А. Панков перешел на работу в Госцирк, где стал заведующим музыкальной частью в цыганском цирковом ансамбле. Во время Великой Отечественной Войны этот ансамбль гастролировал по стране и выступал в действующей армии. В 1960 году А. А. Панков вышел на пенсию, когда и начал систематизировать многочисленные записи.

Сейчас в моих руках находится лишь небольшая часть рукописей А. А. Панкова. Рукописи эти представляют собой тетради-сборники, содержащие образцы репертуара дореволюционных хоров, советских ансамблей, и произведения, по моему предположению, исполнявшиеся также в быту. Кроме собственно сборников А. А. Панков составлял своеобразные перечни зафиксированных произведений. По ним можно проследить попытки автора установить авторство многих романсов и песен литературного происхождения, осуществить которые Панкову помешало отсутствие чисто практических навыков работы со специальной литературой.

В настоящий момент в разработке находятся 337 образцов поэтических произведений из архива А. А. Панкова: 250 наименований (не считая незначительного числа вариантов) на русском языке, и 61 (плюс 26 вариантов) – на цыганском.

К произведениям на русском языке относятся:

- 1) романсы и песни русских и цыганских авторов, включая написанные самим А. А. Панковым;
- 2) русские народные песни (лирические, плясовые, шуточные, обрядовые, баллады, тюремные), в том числе, литературного происхождения;
- 3) песни советских авторов.

Среди романсов и песен на русском языке в рукописи содержится немало известных именно по цыганскому исполнению, например: “Аллаверды” на стихи В. А. Соллогуба; “Ах, когда б я прежде знала” И. И. Дмитриева, входившая в репертуар легендарной Стеши (Степаниды Сидоровны Солдатовой); “Век юный, прелестный” Н. М. Коншина, приобретающая популярность благодаря исполнению хором московских цыган Г. Соколова и др. Немало здесь произведений, написанных и в первые – тридцатые годы XX века.

Из произведений цыганских авторов в рукописях встречаются: мужской вариант романса “Доля моя горемычная” Р. А. Калабина, оригинал которого помещен в монографию К. А. Баурова [2, с. 84], упомянутый выше романс Н. Н. Кручинина “Возьму я карты”, романсы Н. Дулькевича. Однако большой интерес вызывают не только произведения цыганских артистов, но и те, что проникли в эстрадный репертуар из, если так можно выразиться, “околохоровой” среды. Так, весьма интересен романс “Где ты, моя Шура, милая цыганка?”, текст которого А. А. Панков сопровождает неожиданным трогательным предисловием:

“Это посвящено петербургской цыганке Александре Васильевне Грачевой любящим ее гусаром Чебышевым. Она, не веря в его любовь, покончила свою жизнь самоубийством. Чебышев ее хоронил пышно с почестей <почестями>, и больше ни за кем не ухаживал, и очень часто приезжал слушать цыганский хор А. В. Шишкина, в котором работала Шура, и всегда плакал. Вспоминая Шуру, он написал слова и музыку, посвятив «Шуре»”.

Русские народные песни литературного происхождения представлены в рукописи такими образцами, как: “Бежал бродяга с Сахалина” (“Глухой неведомой тайгою”) и “Далеко в стране Иркутской” неизвестных авторов; песня из либретто М. Н. Загоскина к опере “Аскольдова могила” – “Близко города Славянска”; “Жили двенадцать разбойников” – песня-баллада, возникшая на основе рассказа “О двух великих грешниках” Н. А. Некрасова из четвертой части “Кому на Руси жить хорошо”, входившая в репертуар Фёдора Шаляпина; “Из-за острова на стрежень”, восходящая к стихотворению Д. М. Садовникова; “Зачем сидишь до полуночи” С. Н. Стромиллова;

“Бывали дни веселые” – народный вариант стихотворения “Изменница” П. Г. Горохова “Вдоль по улице широкой” – песня из драматической повести П. П. Ершова “Фома кузнец”; “Быстро тучи проносились” (в рукописи озаглавлена “А на встречу ей Иванушка”), являющийся фрагментом поэмы “Дуняша” С. Д. Дрожжина, и многие другие.

Из русских народных песен в рукописи представлены хорошо знакомые фольклористам:

“Ай, да как на горке”;
“Ах, вы сени, мои сени”;
“Ах, матушка, что во поле пыльно”;
“Ах, ты сад, ты мой сад”;
“Было у тещи семеро зятей”;
“Было у купчины три дочерины”;

“Вспомни, вспомни, друг любезный” – поздний вариант русской народной песни, впервые опубликованной в собрании Львова и Прача [14, с.190, № 40], попавший под влияние мещанского романа;

“Все люди живут, как цветы цветут” – “душеспасительная” песня, близкая кантам благочестивого содержания;

“Гуляла я девица по борочку”;
“Из-под дуба, из-под вяза”;

“Ишла Богородица” (отмечу что об исполнении цыганами произведений, затрагивающих религиозную тематику, печатные источники прежде вообще не упоминали);

“Последний нынешний денечек” (озаглавлена в рукописи “Вот слышу, скрипнула калитка”) и многие другие, в том числе, очень поздние. Большой интерес представляют восемь “подблюдных”² песен, объединенных под общим названием “Катился жемчуг по бархату”. Отдельно необходимо выделить образец, озаглавленный в рукописи “Вниз по матушке по Волге”, являющийся своеобразной сокращённой переработкой народной драмы “Лодка” / “Шлюпка”. Сведений о цыганском исполнении пьес русского народного театра в литературе никогда не встречала.

К песням советского периода относятся произведения времен Гражданской и Великой Отечественной Войн, как авторские, так и народные; песни из кинофильмов и проч.

² Подблюдные песни – короткие, часто в четыре строки, и содержат метафору. Ими сопровождалось известное русское святочное гадание: в блюдо с водой складывались кольца гадающих и после вынимались под песню, смыслом которой определялась судьба гадающего. Песня могла предвещать свадьбу, долгое деичество, богатство и даже смерть.

В число песен на цыганском языке входят, в частности, ранее публиковавшиеся:

“Ай, да зазнобила”;
“Ай, да назадэна”;
“Ай, да не твоя ли мать родная”;
“Ай, дэ амарьятэ адалэ Лёлятэ”;
“Бида накочялась”;
“Воля” (Дэньте мангэ воля);
“Вьюга” (Ай, загаздыяпэ);
“Вэш шуминэ”,
“Доханэ ёнэ ман”;
“Дуй-дуй-дуй”;
“Дунюшкэ”;
“Дурундунду”;
“Ехали цыгане”;
“Кай ёнэ”;
“Кон авэла”;
“Кукушка” (Сыр амарэстэ адалэ сватостэ);
“Паше бов”;
“Ручеек”;
“Тэрды шатра” (Призадумал),
“Шаленочка”;
“Шатрица” и др.

Рукопись также содержит четыре любопытных варианта песни “Бродяга”, входившей в репертуар Надежды Киселевой (Ляли Черной). В двух неизвестных вариантах представлена песня “Ванёнок”. Кроме того, рукопись включает три варианта ранее не публиковавшейся песни “Бануко”, которая один раз упоминается лишь в монографии К. А. Баурова [2, с.70, № 2], и вариант малоизвестной песни “Лоза”³ (или “Лозэ”).

Важно отметить, что А. А. Панков указывает авторов ряда песен на цыганском языке, которые традиционно считаются народными или старинными, таких, например, как “Акадякэ” и “Барьёна цвэтики”.

Характерно, что некоторые произведения на русском языке Панков дублирует частично или полностью переведёнными на цыганский язык.

³ В записи П. С. Патканова “Лоза” опубл.: Наши цыгане, или Старые цыганские песни на новый лад. Музыкальная мозаика в двух действиях / Соч. Патканова (Истопина). М.: Литография Московской Театральной библиотеки С. Ф. Рассохина, 1904. С. 36–37. Переизд.: [17, с. 294–295].

Ряд образцов помечены, как “народное творчество”, что, вероятно, подразумевало распространенность в быту.

К сожалению, установить время и место записи большинства произведений не представляется возможным, потому что А. А. Панков не делал такого рода пометок, а сами рукописи неоднократно переписывались. Однако ряд образцов собиратель дополнил подробными и даже откровенными комментариями об исполнителе, которые косвенно указывают на период нахождения данного образца в репертуаре конкретного артиста: А. А. Панков указывает имя исполнителя, отмечает его профессиональные качества, изредка описывает внешность. Например, одному романсу сопутствует такое замечание:

“Шутя, эту песню пела знаменитая плясунья Александра Васильевна Гроховская <...>”.

Или: “В Петербурге пел <...> гитарист-аккомпаниатор чрезвычайно музыкальный и талантливый – Дулькевич Николай Дмитриевич”.

Еще один образец А. А. Панков сопровождает целым “портретом”:

“Эту песню пел единственный тенор лишь в Петербурге, Михаил Никитович <Никитович> Масальский по прозвищу «Мулько», из рода цыган по прозвищу «Хальким». С ним эта песня умерла – его исполнение неповторимо. Песня эта шуточного характера, и этот певец соответствовал очень своею внешностью и манерою исполнения. Каков он был: роста <ростом> не более метра, в плечах был непомерно широк, <...> при таком росте пиджак был ему впору 54-го размера. Полон был он, лицом красив, обаятелен, с пышными усами, ноги с туловищем были симметричны и не придавали комплекции уродливости неприятной. Он был по внешности очень сценичен”.

Осталось добавить, что такого рода комментарии в публикации будут по возможности дополнены фотографиями упоминаемых в рукописи исполнителей. Кроме того, к работе над материалами Панкова (для сравнения и проч.) будут привлечены все имеющиеся публикации русско-цыганского репертуара, записи цыганских песен из Российского государственного архива литературы и искусства (архив театра “Ромэн”) и др.

Итак, материалы архива семьи Панковых дают уникальную возможность составить наиболее полное представление об устном репертуаре русских цыган, следовательно, помогут изучить генезис и эволюцию фольклора русских цыган гораздо подробнее. Важно не забыть, что ценность этого уникального материала в том, что это, по выражению держательницы архива Любови Николаевны Панковой, “не всегда совпадающий со мнением цыганологов, взгляд русских цыган на себя и свою историю, взгляд

изнутри”. Архив семьи Панковых, вводит в научный оборот крупнейший массив текстов, что позволит, в частности, подтвердить или же опровергнуть теорию о хоровом происхождении основной массы песенного фольклора русских цыган. Напомню, что данная теория была выдвинута в Н. В. Бессоновым и Н. Г. Деметер в работе “История цыган – новый взгляд” [3, с. 159–72]. На основе доступного на тот момент материала авторы рассмотрели четыре возможных этапа формирования “таборной” песни. Более того, публикация архива семьи Панковых станет новым источником, на который в будущем сможет опираться широкий круг исследователей

Источники и литература

1. Андроникова И. М. Эволюция жилища русских цыган // Советская этнография. – М., 1970, № 4.
2. Бауров К. А. Репертуары цыганских хоров Старого Петербурга
3. Бессонов Н. В., Деметер Н. Г. История цыган – новый взгляд. – Воронеж ИПФ “Воронеж”, 2000.
4. Бугачевский С. М. Цыганские народные песни и пляски. – М.: Советский композитор 1971.
5. Голодников К. Проклятое племя // Тобольские губернские ведомости. – Тобольск 1879. №№ 12, 13, 15, 16, 18, 20, 23, 33, 34.
6. Григорьев А. П. Русские народные песни с поэтической и музыкальной стороны. // Собрание сочинений Аполлона Григорьева / Под ред. В. Ф. Саводника. – М.: Типо-литография Т-ва И. И. Кушнерев и К^о, 1915. Вып. 14.
7. Добровольский В. Н. Киселевские цыгане / Живая старина. 1879. № 1, С. 3–36.
8. Добровольский В. Н. Киселевские цыгане. – СПб.: Типография императорской Академии Наук 1908. Вып. 1: Цыганские тексты.
9. Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни / Под ред. В. Беляева. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1956.
10. Народные песни русских цыган / Составители Е. А. Друц и А. Н. Гесслер. – М.: Советский композитор 1988.
11. Песни московских цыган XIX века / Запись и сост. Н. Н. Кручинина (Хлебникова). Общ. ред. Н. Иванова. – М.: Государственное музыкальное издательство 1961.
12. Полевые цыганские песни (Полева гияля) / Сост. Н. Н. Кручинин (Хлебников). – М.: Музторг 1929;
13. Смоленский этнографический сборник / Составитель В. Н. Добровольский. – СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1903.
14. Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач / Под ред. В. М. Беляева. – М.: Государственное музыкальное издательство 1955.

15. Старинные русские народные песни, сохраненные музыкально традицией цыган / Сост. Н. Н. Кручинин (Хлебников). – М.: Музторг 1929.

16. Цыганские народные песни из архива собирательницы цыганского фольклора Е. А. Муравьевой/ Под ред. Л. Н. Черенкова Подготовил: вступ. и коммент. Е. А. Друца и А. Н. Гесслера – М.: Типография ТАСС, 1989. Вып. I.

17 *Шаповал В. В.* Самоучитель цыганского языка: русско-рома: северо-русский диалект. – М.: Астрель: АСТ, 2007.

18. *Щербакова Т. А.* Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России. – М.: Музыка, 1987.

19. Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой/ Сост., подгот текстов, вступ. ст. и справочный аппарат С. В. Кучепатовой – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

Махотина Илона. Усний репертуар російських цыган за матеріалами архіву родини Панкових

Розглянуто наявну історіографію питання та окреслено перспективи роботи з систематизації і підготовки коментарів до зразків усного фольклору: пісень, казок, паремій, архіву вихідця із родини петербурзьких хорових цыган Олександра Олександровича Панкова (1892/9 – 1888). Здійснення археографічного опрацювання рукописів архіву родини Панкових, на думку авторки, дозволить в подальшому більш детально вивчити генезу і еволюцію фольклору російських цыган та, зокрема, підтвердити чи спростувати теорію про хорове походження більшості пісенного фольклору російських цыган.

Махотина Илона. Усний репертуар російських цыган за матеріалами архіву родини Панкових

Рассмотрена историография вопроса и очерчены перспективы работы по систематизации и подготовке комментариев к образцам устного фольклора: песен, сказок, паремий, архива члена семьи петербургских хоровых цыган Александра Александровича Панкова (1892/9 – 1888). Осуществление археографической обработки рукописей архива семьи Панковых, по мнению автора, позволит в дальнейшем более детально изучить генезис и эволюцию фольклора российских цыган и, в частности, подтвердить или опровергнуть теорию о хоровом происхождении части песенного фольклора российских цыган.

Makhotina Ilona. Verbal repertoire of the Russian Romanies from the Pankov's family archive

Historiography of a question is considered and prospects of work on ordering and preparations of comments for samples of oral folklore are outlined: songs, fairy tales, paremii, archive the member of Roma choral family Alexander Pankov (1892/9 – 1888). Archeographic processing of manuscripts of archive of this family, in opinion of the author, the Romanies will allow to study in more details in the further genesis and evolution of folklore Russian and, in particular, to confirm or deny.